

Т. Е. Абрамзон
доктор филологических наук, профессор

К ВОПРОСУ О РУССКОМ СЧАСТЬЕ (ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА)

Ключевые слова: Просвещение, проблема счастья, поэзия XVIII века, российская культура

То, что счастье – продукт Просвещения, – факт общепринятый и общеизвестный. Просветителям удалось изменить средневековую картину мира, в которой земной путь человека рассматривался как подготовка к будущей вечной жизни, а страдания мыслились как его необходимая часть и условие небесного блаженства. Они создали новую жизненную парадигму, включающую земное счастье обязательно и непреложно. Несмотря на различия в понимании счастья и на разнообразии концепций счастья, будь то индивидуальное или коллективное счастье, счастье государственное, счастье кабинетное или счастье на лоне природы – все западноевропейские просветители (А. Поуп, Вольтер, Гельвеций, Ж.-Б. Руссо, С. Джонсон, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и другие) сходились в главном тезисе: Человек создан для счастья, и главное – для счастья земного.

Безусловно, одно из ключевых понятий западноевропейского Просвещения не осталось без внимания исследователей: существует достаточное количество серьезных и глубоких работ, посвященных моделям счастья в той или иной культуре, концепции счастья в творчестве того или иного просветителя, а также сравнительные исследования по данной теме¹. Однако поиски счастья русскими просветителями почти не попадают в фокус западных исследований и остаются на периферии внимания в российских гуманитарных работах по ряду причин, разбор которых не входит в задачи данной статьи. Актуальным представляется написание истории русского счастья XVIII века, анализ механизмов рецепции античных, европейских моделей счастья и способов разработки национальной концепции счастья, исследование индивидуальных моделей счастья, предложенных поэтами², писателями и мыслителями. Задачи данной

¹ См.: [24, 25, 27, 28].

² Например, изучение философии счастья поэта Е.А. Боратынского [18].

статьи скромнее: мы лишь хотим обозначить основные этапы в этой истории счастья, указать на ключевые западные прецедентные тексты и русские произведения, определившие ее развитие, причем сосредоточив свое внимание на поэзии XVIII века. Попутно мы хотим проследить логику жанровых и стилистических предпочтений авторов в дискурсе счастья.

Обратимся к моменту зарождения этого дискурса в русской литературе. В 1738 году на свет появляются два русских стихотворения о счастье: одно – оригинальное, другое – переводное; одно – сатира, другое – ода; одно написано в Лондоне; второе – в Германии; одно – признанным мастером острого слова; другое – студентом, доказывающим свои успехи в учебе. Оба произведения были опубликованы годы спустя, после смерти авторов, их написавших. Несмотря на то, что оба текста не оказали прямого влияния на развитие концепции счастья в литературе, они, безусловно, являются знаковой точкой отсчета в истории преднамеренной разработки концепции счастья в русской культуре.

Первый текст – сатира «О истинном блаженстве (About true bliss)» принадлежит князю Антиоху Кантемиру, в то время резиденту России в Англии, в которой он формулирует идеал счастливого человека, указывает на тщету богатства и власти, прославляет человека добродетельного и устремленного к познанию сути вещей. Как было давно замечено Л. Пумпянским, сатиры Кантемира лишь формально примыкали к сатирам Буало, но на деле являлись русской параллелью к сочинениям английского моралистического просветительства [17, С. 205–206].

Кантемир прославляет тишину жизни, противопоставляет ее бурным человеческим страстям. Его идеал – «довольство малым», прямо ориентирован на античные образцы. Так, в примечаниях к одной из строк Кантемир ссылается на Вергилия и приводит цитату из стихов римского поэта и историка, почитавшего счастливым того, кто преуспел в познании природы явлений: «Felix, qui potuit rerum cognoscere causas». Впервые в русской светской поэзии прозвучала формула «блажен кто...»¹, свои варианты которой дали чуть ли не все русские поэты XVIII-XIX веков.

Однако следует обратить внимание на то, что Кантемир не использует слово счастье, но употребляет блаженство как высшую степень счастья, слово, связанное с религиозной культурой Древней Руси. Более того, он усиливает эффект, добавляя эпитет «истинное»

¹ Вариации этой формулы были известны в русской культуре как римская поэтическая формула “*beatus ille qui...*” в эпде Горация и «Блажен муж, который...» как псалмодическая формула.

блаженство (в другой редакции – «прямое блаженство»). Причем сам Кантемир осознает связь слова блаженство с миром потусторонним, уточняя в примечаниях к первому стиху, что блаженство «в сей жизни», потому что, по его мнению, «блаженство будущия жизни иное есть, о котором в сатире говорить было бы неприлично» [7, 151].

На самом деле это очень важное указание на то, что внимание автора сфокусировано на земном существовании, на земном варианте блаженства. Кантемир разграничил блаженство сей земной жизни и блаженство будущей жизни. Крылатое счастье в сатире Кантемира подано в сатирическом ключе, оно может возвести человека на высокую ступень, но не может быть долгим. Счастье «пинком под зад» сталкивает человека с высокой ступеньки, и человек летит, ломая себе кости. А без помощи Счастья, по мнению Кантемира, успех невозможен.

В авторских примечаниях к сатире Кантемир развивает мысль о не постоянстве земного счастья, к примеру, в примечании к стиху 28 он пишет: «Счастье весьма прменчиво, на том же долго стоять не умеет; для того стихотворцы изобразуют Фортуну стоящу на шаре, который твердо установить не можно» [7, 152]. Кантемир приводит характерную черту богини удачи и указывает на ее аллегорические, эмблематические черты, после чего вновь делает вывод: переменчивая Фортунa не может доставить истинное блаженство.

Стремление к «тишине» и уединению необходимо рассматривать в соотношении с общественными и эстетическими идеями представителей западноевропейского Просвещения. Теорию обуздания страстей как средства достижения общего блага, идеализацию патриархальных общественных отношений и свободной от вмешательства государства жизни частного человека – в том или ином виде мы встречаем у Попа, Локка и Шефтсбери, у Вольтера и Руссо и, в частности, у Л. Риккони и Нивелль де ла Шоссе. И у Фенелона, чью оду в том же 1738 году и переведет начинающий поэт и ученый Михаил Ломоносов, кстати, переводивший оду Фенелона приблизительно в том же возрасте, в каком Фенелон ее написал.

Ода Фенелона 1681 года прославляла идиллический покой вдали от суетного света. «Лживая фортуна» («*trompeuse fortune*») обманывает людей, поэтому Фенелон не завидует даже самому счастливому, удачливому, смелому и мудрому из смертных – Одиссею («*Des Grecs je vois le plus sage*»). Обретение личного тихого счастья путем эскепизма, отказа от карьеры и жизни в обществе, предпочтения сельского уединения – одно из направлений развития темы. Эти идеи прозвучат и в ломоносовском переводе, в результате чего сложится негативный образ лживой Фортуны («лжывыя фортуны смех», «прочь, фортуна, прочь, спесива»), в противовес которому

будет нарисована картина тихого счастья на лоне природы в окружении Муз. В этом первом опыте поэтического перевода Ломоносов проявил талант переводчика и мастера русского слова, найдя эквиваленты, отражающие дух оригинала. Правда, судьба этого стихотворения не была счастливой: Ломоносов отправил свой перевод оды Фенелона в Академию Наук Санкт-Петербурга в качестве отчета о своих успехах в учебе, но академическое начальство не придало значения этому факту и сдало оду-перевод в архив, где она и была обнаружена 116 лет спустя [20, I, XXIV].

И в оригинальной сатире Кантемира, и в переводной оде Ломоносова сформулировано понимание счастья, наследующее античным и современным западноевропейским концепциям. Эти два произведения следует признать точкой зарождения дискурса счастья в русской литературе Нового времени. Несмотря на то, что ломоносовская переводная ода была погребена в архивных подвалах, она все же повлияла на развитие концепции счастья. Во-первых, комплекс идей о счастье вошел в сознание Ломоносова-просветителя, звуки этого первого переводного поэтического опыта будут слышны и в зрелых произведениях поэта. Приведу лишь один пример неожиданного сравнения со счастьем. В научно-дидактической поэме «Письмо о пользе Стекла» (1752) Ломоносов, обращаясь к фавориту императрицы Елизаветы Петровны Ивану Ивановичу Шувалову, возносит похвалу Стеклу, противопоставляя ему золото, драгоценные камни и – «ломкость лживого счастья»: Стекло лучше лживого счастья. Во-вторых, о счастье и блаженстве русских подданных Ломоносов будет петь в своих торжественных одах. В-третьих, думаем, первый переводной опыт определил выбор оды для другого поэтического соревнования в 1759 году, предметом которого стала «Ода на Счастье» Ж.-Б. Руссо. Обратимся к государственному варианту счастья, вошедшему в русскую культуру во многом благодаря торжественным одам Ломоносова.

Счастье золотого века России в торжественных одах Ломоносова. В каждой из двадцати торжественных од, за четверть века написанных Ломоносовым (1739–1764), звучит мотив счастья, форму и содержание которого во многом определяет жанр оды. В похвальном дискурсе счастье охватывает всё и вся – и правителей, и подданных России. В метафорическом смысле оно объемлет всю вселенную. Так, в «Оде на прибытие императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург по коронации 1742 года» муза поэта должна быть счастлива тем, что может воспевать Елизавету. Берега Балтийских вод должны быть веселы, потому что видели «щастливый ход» российских кораблей, а Нева – «щастливейшая» из всех земных

рек, потому что видела Елизавету. Великие поэты прошлого завидуют Ломоносову, называют его самым счастливым поэтом, потому что ему выпало счастье воспевать «Петрово семя», Елизавету. Восшествие Елизаветы на престол – «вестник счастья» России, залог вечного благополучия в «Оде на день восшествия на престол Елизаветы Петровны 1746 года». Здесь же говорится, что счастье России уже продлилось пять лет царствования.

Также счастливыми именуются императрицы и императоры, которым посвящены оды: «счастливая Анна», «счастливая Елизавет», «счастливая Екатерина». Причем относительно правящих особ, восхваляемых поэтом, счастье мыслится в античном (или религиозном) ключе: все они – избранники Высшей силы, благоволящей к ним, и тому есть подтверждение. Так, поздравляя императрицу Елизавету Петровну с днем рождения, Ломоносов разрабатывает тему счастливых знаков, сопровождавших ее появление на свет («Ода на день рождения императрицы Елизаветы Петровны», 1746): счастливое положение планет как астрологическая примета удачной жизни Елизаветы, знаком счастья объявлен тот факт, что Елизавета родилась в год Полтавской победы (1709), одержанной ее отцом Петром Великим. Главное пожелание, адресуемое в день рождения Елизавете, множество «счастливых лет».

В соответствии с системой топосов торжественной оды понятие счастья получает разработку не как самостоятельное понятие, но в рамках мифологического топоса золотого века, золотых дней. Счастье и блаженство русской державы заключаются в том, что Россия находится под властью того или иного правителя: будь то Анна Ионовна (*Ода 1739 года*) или только что родившийся Иоанн Третий (*Ода 1741 года*) или Елизавета Петровна (*Оды 1742–1760 годов*). Топос золотого века – “*locus magicus*”, в котором микрокосм приведен в равновесное отношение с макрокосмом, неизменно присутствует в каждой оде [См. подробнее: 5, 658].

Топос золотого века содержит несколько ключевых концептов и мотивов: покой, тишина, безбедность; отсутствие препятствий, страха, пасторальные мотивы. Основные мотивы, входящие в состав ломоносовской мифологемы «*золотой век*», традиционны: они сходны с античными представлениями о счастливом состоянии общества. Наиболее ярко эти представления выражены в поэме «Труды и дни» Гесиода и в «Метаморфозах» Овидия. К примерам из последнего Ломоносов часто прибегает в своем «Кратком руководстве к красноречию», возможно, именно «Превращения» (таково название в переводе Ломоносова) Овидия являлись претекстом для одических описаний российского рая [Ср.: 13, 11–12].

Наступивший золотой век, счастье России в ломоносовских торжественных одах не имеет ничего общего с российскими реалиями середины XVIII века: этот мир населен сладкоголосыми птицами, в нем царят красота и гармония, вместо суровых русских зим в России наступила вечная весна (и лето)¹. В нем нет тяжелого труда, постоянной думы о «хлебе насущном», в нем, как и положено в раю, всего в достатке, в изобилии. Млеком и медом текут российские реки, золотятся колосья, многочисленные стада пасутся в тучных влажных лугах. Это идеальное состояние государства напрямую связано с царственными особами: золотой век, блаженство и счастье россов наступают с воцарением очередного императора/императрицы².

Античный миф о золотом веке, о счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества обретает в эпоху Просвещения иной статус: недостижимая мечта о благоденствии превращается в реальную цель, осуществимую при определенных условиях. Идеальный порядок мыслится как вполне земной, однако в России он еще не достигнут. Согласно Ю. М. Лотману, образованному русскому человеку XVIII века было свойственно представление о том, что процесс сотворения мира еще не закончен и что именно литература конструирует конечный образ, цель пути [10, 110].

Счастье в ломоносовских торжественных одах представляет собой просветительский вариант всеобщего государственного счастья. Правитель счастлив тем, что он избранник Высшей силы и что он/она заботится о своих гражданах: «Я (императрица Елизавета Петровна. – Т. А.) россов счастьем услаждаюсь» («Ода на день восшествия императрицы Елизаветы Петровны», 1747 года). В свою очередь подданные счастливы тем, что находятся под властью доброго и заботливого монарха и что верой и правдой служат ему: «Блаженны мы, что ей (Екатерине II. – Т. А.) послушны: / Покорность наша к счастью путь!» («Ода императрице Екатерине Алексеевне в новый 1764 год»). Счастливые и спокойные лета – это то, что подданные ожидают от своих монархов («Ода на день брачного сочетания князя Петра Феодоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны 1745

¹ Наступление золотого века, «блаженства россов» активно пропагандировалась еще с начала XVIII века в фейерверках и иллюминациях, а также надписях их сопровождавших и объяснявших происходящее в огненных спектаклях. [См.: 6, 112–114].

² Воплощенная в образе райского сада мифологема «золотой век» является лишь одной из составляющих в ломоносовском образе России. Российское пространство в одах распадается на два мира и существует в двух измерениях: в одном – в тишине и размеренности, на лоне «всегда роскошествующей природы» протекает патриархальная жизнь, в другом – гремит военная слава, «россы» добывают «металл из гор», осваивают новые земли, моря соединяют реками, исследуют глубь земли и поднебесье. [См. подробнее: 1, 60–68; 16; 15, 47–103].

года»). Собственно, перед нами просветительская концепция общественного договора, которая выражена в одических образах и которая включает счастье обеих сторон – монарха и подданных – как ее неотъемлемую часть. Но от похвалы до обличения – один шаг.

Как уже было сказано выше, значимой для истории русского Просвещения и для осмысления концепции счастья является ода «A La Fortune» Ж.-Б. Руссо, избранная для поэтического турнира в 1759 году¹. Ломоносов и Сумароков предложили собственные варианты перевода, которые были опубликованы в январском номере московского журнала «Полезное увеселение» 1760 года под заглавием «Ода господина Руссо Fortune, De Qui La Main Couronne, переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым. Любители и знающие словесная науки могут сами, по разному сих обеих пиитов свойству, каждого перевод узнать»². Талантливый перевод Ломоносова получил наибольшие симпатии публики: ему удалось достаточно точно передать весь комплекс идей и обличительный пафос оригинала, бичевавшего удачливых, но жестоких правителей-завоевателей и укорявшего счастье в пособничестве коронованным тиранам. Во французской оде слова «Fortune» и «Bonheur» употреблены по три раза в качестве контекстуальных синонимов. Ломоносов же отказывается от имени греческой богини Фортуны и использует взамен его слово Счастье, что соответствовало общей тенденции русификации античных образов в русской культуре.

В оде Ж.-Б. Руссо и в ее ломоносовском переводе концепция государственного счастья представлена *счастьем праведным*, когда во главе государства стоит просвещенный монарх, постоянно заботящийся о жизни своих граждан, и *счастьем неправедным*, «ложным», «безчестным», когда государством правит себялюбивый властитель, кровью и слезами соотечественников добывающий себе

¹ Для первого поэтического турнира в истории русской культуры был выбран псалом 143. В 1743 году была опубликована маленькая книжица «Три оды парафрастическая псалма 143, сочиненныя чрез трех стихотворцев, из которых каждой одну сложил особливо» (СПб., 1744). Суть этого открытого состязания между тремя главными российскими поэтами того времени – Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым – состояла в выяснении эстетического вопроса: обладает ли стихотворный размер своими, только ему присущими качествами, эмоциональной окраской и пр. Однако в ракурсе данного исследования нас интересует лишь выбор произведения, а именно – высокой религиозной материи [см. подробнее: 2, 130–147]. О переложениях псалмов в истории русской литературы [см.: 11]. Выбор именно этой оды для поэтического соревнования, возможно, был связан с современными событиями – с Семилетней войной, в которой прусский король Фридрих II заливал кровью центральную Европу и разорял свои и чужие земли.

² В 1765 году появился и третий вариант перевода этой оды, выполненный В.К. Тредиаковским, который не был привлечен к состязанию.

славу и богатство. Причем акцент сделан на последнем – на обличении обманного счастья.

Итак, к 1760-м годам счастье входит в русскую культуру в основном как счастье государства, всецело зависящее от мудрого правителя. Две основных линии в разработке концепции счастья – это похвала и объявление вечного счастья, счастья/блаженства золотого века и обличение несправедливого счастья. В официальной поэзии, приуроченной к торжественным датам императорской семьи, звучит первый вариант счастья, второй – в обличительных одах.

И здесь следует отметить следующее: разрыв (the gap) между действительным положением дел и мифологическим счастьем, декларируемым официальной русской поэзией, был настолько велик, что этот миф о «счастье и покое росссов», обретенным с ныне правящими монархами, приобрел строго закрепленное место – праздничного комплимента, топоса счастья России в жанре похвальной оды. Обличения счастья – вторая линия разработки – оказались более приближены к реалиям российской действительности, поэтому иронический, сатирический и обличительный дискурсы в осмыслении понятия не просто будут более востребованы во второй половине XVIII века, но и привнесут в поэтическую разработку концепции счастья земное измерение, почти отсутствующее в праздничном официозе¹.

Счастье добродетели в нравоучительной поэзии 1750–1760-х годов. Иной подход к счастью находим в журнальной поэзии того времени в середине 1750–60-ые годы («Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755–1765; «Трудолюбивая пчела»,

¹ Приблизительно в это же время поиски общественного счастья связаны с художественным конструированием моделей идеальных обществ и государств, которое происходит не в поэзии, а в прозе (Сумароков А. «Сон», «Щастливое общество», 1759; Щербатов М. «Путешествие в землю Офирскую г-на С...швецакого дворянина», 1783; Левшин В. «Новейшее путешествие», 1784; Радищев А. «Спасская полость», «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790; и др.). Воображаемые общества имеют различные устройства, они не похожи друг на друга, но их объединяет очень важное общее свойство: счастье, по мысли их авторов, гарантировано всем гражданам общественно-политическим строем. Российские утопии, как и утопии любого другого времени, несут в себе заряд веры в возможность разумного устройства общества, которое и является залогом всеобщего счастья. Однако сама эта мечта о счастье, отнесенном к месту, которого нет (и-тоpos), к пространству далекому – будь то государство из сна Сумарокова, или Офирская земля, Антарктида, в романе Щербатова, или государство на Луне в повести Левшина – не могла обрести реальную земную плоть, это идеальное счастье совершенного общества. Безусловно, эти утопические устремления российских писателей второй половины XVIII важны и любопытны для понимания истории российской культуры и развития национальной ментальности, однако земной вариант счастья получил наибольшую разработку в поэзии 1770–1800-х годов.

1759; «Праздное время, в пользу употребленное», 1759–1760; «Полезное увеселение», 1760–1762). Параллельно праздничной комплиментарной концепции всеобщего российского счастья в журнальной поэзии идут напряженные поиски счастья частного человека. В этом человеческом (не государственном) измерении Счастья основополагающим, прецедентным текстом, текстом-ориентиром, является поэма «An Essay on Man» (1732–1734) Александра Попа, вослед которому достижение счастья русские поэты будут толковать в этико-моралистическом ключе как путь избавления от страстей.

Перевод поэмы Александра Попа «An Essay on Man», с французского перевода Э. Силуэтта «Essai sur l'homme» (Амстердам, 1738) был сделан А. Поповским (1753–1754, отдельное издание 1757), учеником М. Ломоносова¹. Интерес к произведению А. Попа появился у Поповского благодаря его учителям – М.В. Ломоносову и физику академику Г.В. Рихману, в 1741 г. сделавшему прозаический перевод «An Essay on Man» на немецкий язык. Ломоносов впоследствии приложил немало усилий для того, чтобы перевод его ученика был опубликован [12, 137–138]. Вскоре «An Essay on Man», содержащий главные идеи европейского просветительства первой половины XVIII в., приобрел большую популярность в России XVIII–начала XIX века².

В ракурсе нашего исследования интерес представляет тот факт, что в стихотворениях 1750–1760-х годов русские поэты включаются в проект по постижению человеческой природы и по воспитанию человека честного, благородного, добродетельного: стихотворения «В крайностях терпение пользует» [4, 2, 139–140]; «Епистола к Г*» [4, 4, 299–306]; «Сонет из сея греческия речи <>, то есть добродетель почитающих венчает» В. Тредиаковского [22, март, 187–188] и мн. др. В нравоучительной оде *На ослепление страстями* [4, 8, 127–140] А. Дубровский вторит английскому поэту: некоторые строки оды являются вольным переводом-пересказом поэмы «An Essay on Man», точнее, четвертого письма, которое служит итогом размышлений английского мыслителя и в котором он подробно развивает идею о том, что истинное счастье состоит в добродетели³. Молодой М. Херасков в «Оде к господину В*» [4, 8, 162–165] вроде бы и признает, что «премудрым пристойно искать счастья в жизни»,

¹ Об истории публикации перевода Поповского см.: [21, 85].

² Перевод Поповского выдержал пять изданий; кроме того, известны переводы И. Федоровского, Ф. Загорского, Е. Болховитинова.

³ В «Ежемесячных сочинениях» [4, 11, 431–440] был опубликован перевод С. Порошина с немецкого языка – эссе «Благополучие человека зависит не от места», основная мысль которого также заключается в овладении страстями, причем со ссылкой на английского поэта Ковлей.

но там, где счастье обитает, там добродетель уступает место порокам, поэтому нужно принимать спокойно «злую и благую часть». О счастье-покое мечтает А. Ржевский в стихотворении «Я счастья сего на свете не желаю...» [14, 3, 118], предпочитая тихое счастье с возлюбленной славе и чинам.

Этот ряд примеров, безусловно, можно умножить и расширить, но для нас важно обозначить следующее: журнальная поэзия (и проза) середины XVIII века, в основном нравоучительного толку, не рассматривает и не пропагандирует счастье как одну из важных целей человеческой жизни. Идея счастья тонет в морализаторских требованиях к человеку, борьба идет не за счастье, но против страстей и пороков. Счастье же на таком пути мыслится дополнительным, но совсем не обязательным бонусом. И, кроме того, максимально разрывая зависимость счастья от мира материального (богатства, любви, славы, чинов и пр.), счастье все больше и больше превращается в абстракцию, безжизненную, сухую и совсем не привлекательную.

Между Фортуною, Счастьем и Блаженством. Конец 1760–начало 1770 годов отмечен новым подходом к теме счастья: меняется не только ракурс внимания поэтов – с всеобщего счастья, связанного с общественно-политическим устройством государства, на счастье частного человека, с большого счастья на счастье малое, но меняется, а точнее расширяется диапазон жанровых и содержательных решений. Послания к Счастью или размышления о нем написаны почти всеми поэтами того второй половины XVIII века.

Счастье становится одним из важных понятий в картине мира того времени, относительно которого поэты определяют свои ценностные ориентиры, через толкование которого происходит осмысление жизни и места человека в ней. Поэмы на данную тему образуют солидный «дискурс счастья», в котором и воплотились попытки сформулировать: что же такое счастье? В ряде поэтических сочинений конца XVIII–начала XIX века складывается парадигма «русского счастья»: «Фортуна» А. Ржевского; «На Счастье», «Истинное счастье» Г. Державина; «На Счастье» В. Капниста; «К Счастию» И. Крылова; «В счастии несчастьи быть осторожну...» И. Баркова; «Фортуна», «Счастье» и «Фортуна» Н. Львова; «„Ода на счастье“ Ж.-Б. Руссо» А. Востокова; «Счастье» В. Попугаева; «Мое счастье (К другу)» А. Волкова; «Счастье» И. Пнина, «Счастье» А. Бенитцкого, «Счастье истинно хранится...» Н. Карамзина; поэма «О счастии» А. Буниной и многих др. Уже заглавия этих произведений демонстрируют смещение акцентов в российской этико-философской парадигме, происходит выдвижение Счастья если не на центральную

позицию, то, во всяком случае, в качестве равноправного понятия в иерархии ценностей.

В этих разных по объему произведениях – от катрена до поэмы – концепция счастья получает разработку в основном по двум стилистическим и содержательным направлениям: в шутливо-игровой манере об изменчивом и капризном счастье и в духовно-моралистическом размышлении-наставлении об истинном счастье. Обратимся к творчеству Г. Державина, потому что в нем присутствуют оба названных направления и потому что именно его тексты во многом определили дальнейшую историю «русского счастья».

Один из знаковых текстов – знаменитое стихотворение «На Счастье» (1789) Г. Державина, сочиненное во время его нахождения в Москве под судом по делу отстранения его от Тамбовского губернаторства. Образ счастья, рисуемый Державиным, включает все основные мотивы и идеи античного счастья и его французского варианта из прецедентного текста Ж.-Б. Руссо: счастье обладает небывалой разрушительной («в пепел грады претворишь») и созидательной силой («раба творишь владыкой миру»¹), оно желанно всеми людьми любого возраста и социального статуса. Также Счастье у Державина связано с императрицей Екатериной Великой, пусть и не названной по имени. Написанное державинским фирменным «забавным» слогом, стихотворение осовременивало и русифицировало характерную эмблематику счастья. Приведу лишь один пример: в державинском стихотворении Фортуна преображается в бога сильного, резвого, одновременно доброго и злого, а шар, на котором римская богиня стоит одной ногой, в «шаровидную колесницу», на который бог счастья объезжает весь мир. И еще – счастье «катает кубарем весь мир», а также уподобляется воздушному шару Монгольфьеров², потому как сказано в авторских примечаниях: «счастье <...> упадет, куда случится».

Державин молит Счастье обратить на него взор, но признает, что по каким-то неведомым причинам он не угоден Счастью. Знаменательна финальная строка державинского стихотворения о Счастье в целом мире и в жизни поэта: «Спокойствие мое во мне!» [3, 176] Эта мысль нивелирует все выше сказанные слова и о желанности счастья, и о счастливом состоянии российского государства под властью мудрой правительницы, и о переменчивости Счастья. В финале происходит

¹ К этому стиху Державин сделал следующее пояснение: «Тогда разумелся Надир, из разбойника сделавшийся царем персидским, а после и Наполеон может служить примером» [см.: 3, 177].

² Первый публичный опыт воздухоплавания был сделан братьями Монгольфьер в 1783 году в Версале.

подмена Счастья другим состоянием – состоянием внутреннего покоя, которое не обусловлено ни внешними обстоятельствами, ни внешним миром, ни политическим устройством общества.

Подражая державинскому стихотворению, которое разошлось в списках, И. Крылов пишет в шутовом, сатирическом тоне стихотворение «К счастью» (1793), называя счастье – «богиней резвой, слепой», в которую влюблен весь свет и которая нежит своих любимцев «как внуков бабушка», возносит к почестям недостойных, дает богатство «дуракам» [Цит. по: 9, 3, 252]. Неприглядная правда, которую высказывает Крылов привередливой богине, состоит в том, что Счастье лишь портит свет. Но поэт не боится попасть в немилость к всемогущей богине, заявляя, что, то, что он ищет в этом мире, находится не в её власти.

В том же – державинском – стилистическом и содержательном регистре о счастье пишет Н. Львов в «Эпистоле к А.М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797», состоящей из двух частей: «Фортуна» и «Счастье и Фортуна». Львовская Фортуна очень похожа на державинскую и крыловскую: она - мадам, а на самом деле чёрт, «всё хороша и всех прельщает», обманывает ожидания людей. Любимцы Фортуны, имея все блага земные, считают, что их жизнь – туман, что счастье – мечта, а должность «первая из важных» – суета [26, 72]. Вторая часть – басенка о том, как Счастье не смогло ужиться с Фортуной в шалаше на берегу реки: Счастье после двух дней совместной жизни с Фортуной, приходит к выводу, что жить оно может лишь с Любовью, и потому, взяв «котомочку», оно отправилось домой, ведь «Фортуна любит шум, а Счастье покой»¹. В львовских стихах есть четкое разделение Фортуны, счастья в обществе, включающего богатство и чины, и Счастья семейного, личного, вдали от шума и суеты общества. Однако, как и у Державина, синонимом счастья или даже его сутью объявляется покой.

Посмотрим на другой пример из творчества Державина – переложение первого псалма Давида. В основном следуя библейскому тексту, поэт проповедует блаженство праведников и грозит страшным судом Всевышнего нарушителям господних заповедей [3, 189]. И пафос, и основная идея библейского текста сохранены в 28-и строках державинского псалма. Любопытно заглавие. Обычно именование переложений псалмов включало

¹ Одна из первых басен в русской поэзии, объясняющих качества богини счастья, была написана А.Ржевским в 1761 году – «Фортуна» [14, 8, 48]. В ней дана история ослепления Фортуны ее мужем Роком, который «выколол глаза» супруге за ее неверность. Мораль сей басни такова: не верьте Фортуне, даже если она полюбит кого-то из смертных, то верность она не блюдет.

указание на номер псалма и чаще всего содержало указание на фрагментарность текста – «Из псалма 1». Но переложение первого псалма Державин озаглавливает «Истинное счастье»¹.

Безусловно, этот смелый новаторский ход Державина интересен двумя парадоксально сочетающимися интенциями. С одной стороны, можно говорить об эмансипации поэзии от строгости религиозного надзора – поэтическое переложение библейского текста теряет в своем названии прямую отсылку к Священному Писанию, обретает новое светское имя, вписывающее его в культуру секуляризованную. С другой стороны, заглавия псалмодических стихотворений Державина образуют некую идеальную парадигму жизни, которая по-своему содержанию отсылает читателя опять же к Библии, к миру религиозному и к христианской этике: Праведный Судия – это Бог, истинное счастье – это блаженство праведника. Мирские заглавия и свободный выбор в торжественном философическом дискурсе вновь возвращаются к религиозной парадигме. Освободившись от церковной догматики в середине XVIII века, поэзия уже в свободном выборе вновь приходит к христианскому началу – к тому, от которого Петр в своих реформах хотел избавиться и откреститься.

Почти одновременно Державин пишет три стихотворения «Величество Божие» (мысль из 103 псалма), «На Счастье», «Истинное счастье». Сопоставление державинского переложения 103 псалма и его же стихотворения «На Счастье» приводит к любопытным наблюдениям. Величественный пафос переложения псалма противоположен забавному слогу «На Счастье», но Всемогущий Бог библейских псалмов и Бог Счастье как бог, «царь царей», несмотря на разность тональности в их изображении, во многих чертах схожи: Бог назван Царем Вселенной, Счастье – «над царями царь», почитаемым во всей вселенной; и к библейскому Богу, и к богу Счастья люди обращаются с мольбами; и Богу, и Счастью поэт обещает возносить хвалы. Понятно, что различный пафос произведений определяет и стилистику текстов, но по существу, «великомощно Счастье» выполняет схожие со всемогущим Творцом функции. Все успехи и неудачи – от Бога, но как предъявить претензию к Всемогущему и все к нему обратиться? Как писал Александр Поуп, «попробуй Провиденье упрекнуть» / «Who finds not Providence all good and wise, / Alike in what it gives, and what

¹ Державин озаглавливает свои переложения псалмов: «Праведный судия» – из псалма 100 [3, 188–189]. Отметим, что в издании 1798 г. в заглавии звучала первая строка псалма: «Милость и суд воспою Тебе Господи».

denies?» («Essay on Man»). Вот и ругают поэты Высшую Силу, именуя ее Счастьем, и просят эту силу о благосклонности. Повторю: «истинное счастье» по Державину – счастье христианского праведника, и это при том, что Державин не был масоном.

На наш взгляд, особое влияние на историю русского счастья оказало масонство, которое было тесным образом связано с Просвещением, исповедовало многие его идеи, однако имело важное отличие от него: масонство – это все-таки религия, и она обращена в первую очередь к Богу. Поиски земного счастья обесцениваются в творчестве поэтов-масонов. В. Майков в оде «Счастье» (1778), обращенной к другу-масону М. Хераскову, видит счастье в спокойствии сердца, в довольстве малым, в Диогеновом счастье, а те, кто стремятся к счастью, не будут счастливы никогда [23, 2, 251]. М. Херасков перебирает все варианты земного счастья (богатство, приятная жизнь, чины, прекрасная жена, слава, знание), но затем объявляет, что благополучней всех человек, который может преодолеть все страсти и желания. Он даже просит Фортуны испытать его, лишив спокойствия, но он и в несчастье будет благополучен («Истинное благополучие»; «Благополучие», 1790-е). И. Пнин не обольщается счастьем («Счастье», 1798), именуя его мечтой, достичь которую можно лишь пройдя много ступеней, а сходят от нее – одной. Н. Карамзин пишет, что «счастье истинно хранится / Выше звезд, на небесах» (1787), на земле единственным блаженством он признает дружбу, но дружба не вечна, и ее окончание приводит к несчастью. В «Послании к Александру Алексеевичу Плещееву» (1796) Карамзин, обращаясь к юноше, вступающему в свет, представляет историю философских исканий счастья, способов, как быть счастливым, называя целый ряд философов. В заключении дает совет: не стоит искать блаженство под луною, скорее можно найти философский камень, чем прожить без горя. В. Капнист противопоставляет суетного человека величественной и мудрой Природе, благодарной Богу за свое бытие («На счастье», 1792). Человек в бесконечной погоне за благами мира, в мирской суете не может обрести истинного, «прямого» (т.е. настоящего) счастья, прямого блаженства. Плод его каждодневных усилий – лишь «счастья тень» [8, 93]. По Капнисту, Бог может наградить человека добродетельной женой и хорошей семьей, тогда счастье поселится в его доме, однако и это счастье ненастоящее, потому что если болезни или смерть настигнет возлюбленную или детей, то и горе будет вдвойне тяжелей. Поэтому истинного земного счастья человек не в силах обрести, оно не уготовано ему на земле.

Особое положение в этом дискурсе счастья последней трети XVIII века занимает поэзия М. Муравьева. Она включает основные

вышеописанные концепции: и счастье как покой россов в одических стихотворениях («Ода на день рождения великого князя Павла Петровича», 1772; «Военная песнь», 1773), и счастье как избавление от желаний, и счастье в гармонии с природой («Сельская жизнь к Афанасью Матвеевичу Брянчанинову», 1770-е), и счастье семейной жизни («Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу», 1774), и счастье как спокойствие души («Эпистола к Н. Р. Р*», 1776). Незаурядность муравьевского подхода к счастью – это интуитивное чувство диалектического единства счастья и несчастья: счастье, по Муравьеву, перестало бы быть таковым, если бы не было бед; стоическое счастье, проповедуемое Сенекой, Эпиктетом, Зеноном, названо бредом, потому что глупо не отличать солнечные дни от ненастья, январь от мая («Эпистола к Н. Р. Р*», 1776). Муравьев отрицает и порицает взгляды древнегреческого поэта Феогида, согласно которому лучшей долей смертных была бы возможность вообще не родиться на свет. Однако позиция Муравьева необычна: его выступления против масонской концепции, что всё на свете суета сует, а также сформулированная им концепция земного счастья, безусловно ориентированного на добродетельного человека, но человека живого, который не может истребить все страсти, отказаться от волнений ума, – случай редкий.

Итак, на протяжении всего XVIII века русские поэты и мыслители, вдохновленные античными авторами и европейскими просветителями, включились в общеевропейский проект по обретению земного счастья. Они пели о счастье государства под властью премудрого правителя в торжественных одах (1740–1760), они бичевали несправедливых монархов-тиранов и несправедное счастье в обличительных одах и сатирах (1750–1760), они проповедовали умеренность и добродетель как залог частного счастья-спокойствия в нравоучительных одах, они создали выразительный забавный образ богини счастья в посланиях к счастью и выразили индивидуальные концепции тихого счастья в эпистолах и дружеских посланиях (1760–1800-е). Счастье входит в русскую ментальность и в русскую культуру благодаря усилиям литераторов и философов XVIII века. Однако в силу целого ряда причин – и масонство с его исканиями совершенства, и преромантизм с его идеями скоротечности и призрачности жизни, и максимализм русского человека, живущего между топором и иконой, между раем и адом, – не позволили проработать и сформулировать парадигму земного счастья, доступного многим. К концу века Просвещения основной концепцией счастья становится этико-религиозная модель за редким исключением из правил: «прямого счастья» на свете нет, истинное блаженство – это блаженство праведника на небесах. Приходится

признать, что проект русских поэтов с их просветительскими установками на обоснование счастья на земле не удался. Счастье истинное, настоящее вновь отпущено на небеса.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин) / Т. Е. Абрамзон. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – 480 с.
2. Гуковский, Г. А. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы / Г. А. Гуковский // Поэтика: Временник отдела словесных искусств государственного института истории искусств. – IV. – Л.: Academia, 1928. – С. 126–148.
3. Державин, Г. Р. Соч.: в 7 т. / Г. Р. Державин / 2-е акад. изд., прим. Я. Грота. – СПб.: В тип-ии Императорской Академии наук, 1868–1876. – Т. 1. – 1868. – 542 с.
4. Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. – СПб.: Петербургская Академия Наук, 1755.
5. Живов, В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века / В. М. Живов // Из истории русской культуры. – Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 657–683.
6. Зелов, Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Пера Великого до его дочери Елизаветы) / Д. Д. Зелов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 304 с.
7. Кантемир, А. Д. Собр. соч. / А. Д. Кантемир. – Л.: Советский писатель, 1956. – 540 с.
8. Капнист, В. В. Избр. произведения / В. В. Капнист. – Л.: Советский писатель, 1973. – 351 с.
9. Крылов, И. А. Полн.собр. соч.: в 3 т. / И. А. Крылов. – М.: ГИХЛ, 1946.
10. Лотман, Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. – Том IV (XVIII – начало XIX). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 13–337.
11. Луцевич, Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии / Л. Ф. Луцевич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 608 с.
12. Модзалевский, Л. Б. Ломоносов и его ученик Поповский / Л. Б. Модзалевский // XVIII век. – Сб. 3. – М. –Л., 1958. – С. 111–169.

13. Овидий. Метаморфозы / Овидий // Овидий. Собр. соч.: в 2 т. – СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. – Т. 2. – С. 7–321.
14. Полезное увеселение. – М.: Типография Московского университета, 1761.
15. Попович, А. В. Мифологические мотивы и образы в поэзии русского преромантизма / А. В. Попович. – Херсон: «Айлант», 2011. – 210 с.
16. Приказчикова, Е. Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века / Е. Е. Приказчикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 525 с.
17. Пумпянский, Л. В. Кантемир / Л. В. Пумпянский // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. III: Литература XVIII века. – Ч. 1. – 1941. – С. 176–212.
18. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. «Гуманитарные науки». – Екатеринбург, 2012. – № 4 (108). – С. 103–114.
19. Санктпетербургский Меркурий. – СПб, 1793.
20. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке. Издал А. Куник. – СПб., 1865. – Ч. I–II.
21. Тихонравов, Н. С. История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского // Тихонравов Н. С. Соч. – Т. 3. – Ч. I. – М., 1898. – С. 85–88.
22. Трудолюбивая пчела. – СПб., 1759.
23. Утренний свет. – СПб., М., 1778.
24. Norton, Brian Michael. Fiction and the Philosophy of Happiness: Ethical Inquiries in the Age of Enlightenment (Transits: Literature, Thought & Culture, 1650–1850) / Brian Michael Norton. – Bucknell University Press, 2014. – 168 p.
25. Kavanagh, Thomas M. Esthetics of the Moment: Literature and Art in the French Enlightenment / Thomas M. Kavanagh. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. – 294 p.
26. L'vov, Nikolaj A. Izbrannye sočinenija / N. A. L'vov. [Vstupit. stat'ja, sostavlenie, podgot. texta, kommentarii K. Ju. Lappo-Danilevskogo]. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau; Sankt-Petersburg: Puschkinhaus, RCHGI, Acropolis, 1994. – 396 s.
27. Potkay, Adam. The Passion for Happiness: Samuel Jonson and David Hume / Adam Potkay. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2000. – 260 p.

28. Mauzi, Robert. L'idée du bonheur au XVIIIe siècle / Robert Mauzi. – Paris: Librairie Armand Colin, 1960. – 726 p.

TO THE QUESTION OF THE RUSSIAN HAPPINESS
(EIGHTEENTH-CENTURY POETRY)

T. V. Abramzon

Abstract

The problem of Happiness is a topical subject in the history of world literature and culture. In the Middle Ages the Christian church dogma ousted the happiness from the land: a man felt guilty because of permanent sinful life, eschatological fears and the only possible way for him was to suffer, which was a necessary condition of celestial bliss after death. Only in Modern Times European enlighteners brought back the happiness from heaven to earth. Poets and philosophers announced and protected one of their key theses: “A man is born to be happy!” Enlighteners looked for *true* happiness, reflected on *personal* and *public* happiness, and developed a model of *universal* happiness. The scope of this essay is to observe the main stages in the process of seeking happiness by Russian poets and philosophers, to research the remarkable poems articulated the idea of happiness.

Key words: Enlightenment, Happiness, XVIII-th poetry, Russian Culture